

ПОКОВИНСКИЕ

Прозвенел звонок с урока, и пятиклассники обступили любимого учителя. На переменках Любомир Прокопьевич воспринимался детьми уже не учителем, а рассказчиком. Истории из его уст приковывали внимание слушателей, как интересное кино. Герои тех историй, события и обстановка отчётливо вырисовывались мальчишеским воображением. Казалось, что они не слушатели, а свидетели тех событий или даже их участники. Нередко в мастерские на переменку между уроками труда, вместо того чтобы покурить, прибегали из школы большаки — так интересно рассказывал трудовик.

— О моей службе в Афгане вам рассказал мой однополчанин Олег. Я не хочу возвращаться к тому периоду моей жизни даже в воспоминаниях, но без проблем расскажу мирные истории. Для порядка скажу, откуда я здесь, — повёл свой рассказ Любомир Прокопьевич. — Родился и рос я в Прокопьево — была на Кове¹ такая деревенька, одна из семи. Кова и тогда была судоходна только для моторных лодок, да и то не на всех участках. Не все пороги можно пройти на моторной лодке. О таких лодочных моторах, как сейчас «Вихрь», тогда и не мечтали. И Ангару, и Кову в те времена бороздили лодки под пятисильными моторами «ЗИФ» и «Стрела». Мотор

¹ Кова — левый приток Ангары.

«Москва» мощностью десять лошадиных сил считался верхом мечтаний, был редкостью. Кстати, а сколько сил у современного «Вихря»? Верно, двадцать пять. Зверь машина, по сравнению даже с «Москвой». Подметили верно, «Ветерок» в двенадцать лошадей сильнее той «Москвы». В каждой из семи деревенок была начальная школа. Как всякий поковинец, четыре класса я закончил на родине. Нас, живших в деревнях по Кове-реке, до сей поры называют поковинскими. И все мы после четвёртого класса продолжали учёбу здесь, в Кежме, или в Болтурино. Там при средней школе тоже был интернат. Завозили нас весной и осенью на самолётах, а зимой — иногда по ледовой дороге на санях с конной тягой, но обычно — на самолёте. При поездке в санях приходилось кутаться в собачьи тулупы. Чтобы в пути не замёрзнуть, делали пробежки вслед за санями. Бывало, подустанешь, хочешь запрыгнуть в сани, а ездовой в это время возьмёт да и подстегнёт лошадку. Рванёт она, а мы бежим, согреваемся. У родственников жили лишь некоторые. И верховских², и поковинских, и заимских заселяли в интернат. Мы, поковинские, от каникул до каникул дома не бывали. Кстати сказать, интернат был в этом самом здании. И в той его части, где у девочек проходят уроки домоводства, тоже жили интернатские. Продукты, включая и соленья, нам привозили из дома, а повара варили, жарили и пекли из тех продуктов. Ничего, голодными не были. Спустя годы многие уважаемыми людьми стали. Есть даже в Москве большие начальники из поковинских.

УЛОВ

— Каждый из нас чем-то отличается от других. Этой своей непохожестью мы и запоминаемся друг другу. Был у нас Михей Ильич — очень отличался он от всех остальных. Я школу заканчивал, когда Михей на пенсию пошёл. Но и те, кому он знаком молодым, знали

² Верховские — жители деревень, которые по течению Ангары выше Кежмы.

Ильича таким же. «Не от мира сего», — говорят про таких людей.

— Он что, дурак? — тут же последовал вопрос любопытного пятиклассника.

— Никогда и никого не спрашивай об этом напрямую — ни один дурак не признается, — с улыбкой посоветовал учитель. — Нет, не думайте, что у него с умом недостача вышла. Ещё как умён наш Михей! Просто какой-то нескладный он. И случались с ним истории, которые других стороной обходили, — повёл повествование Любомир Прокопьевич. — Мальчонкой я был, когда Михея Ильича еле живого из весенней Ковы выгнали. Тогда целлюлозно-бумажного комбината в Усть-Илимске ещё не было, а в Ангаре и в Кове стерлядь водилась. Вы теперь только понаслышке знаете о стерлядке и самоловах — браконьерских снастях. Спозаранку поплыл наш Михей самоловы проверять. Не всякий раз выезды удачными были, а тогда подфартило поковинцу, попалась на самолов крупная рыба. Сбросил он груз, а тот, волочась по дну, сплав замедлил — чтобы лодку не пронесло мимо добычи. На радостях или в спешке, но случилось то, что случилось. Ильич самолов выбирал. Вот она, совсем рядом, стерлядка. Крупная попалась, сильная. Хотела на волю уйти, да не по силам ей бывалому рыбаку противостоять. К самой лодке подвёл добычу Михей. Радует, что такой крупный деликатес в руки идёт. Размышляет между делом, как ему в лодку такой улов перевалить. Опёрся коленом о борт, поднатужился, а стерлядь в тот момент так рванула, что незадачливый рыбак, потеряв равновесие, рядом с добычей очутился. И не просто выпал из лодки. Четыре крючка в тело вонзились, а сколько за одежду зацепились — не считал, не до того было. Интересная компания вышла. Хоть и притормаживают траки, но сносит течением лодку. Михей от борта не отпускается, чтобы самолов на дно не утянул. А уды впились в тело нешуточно. Рыбак с лодкой и самоловный трак за собой тянут. И хотел бы, да не отцепиться. Пока пытался одну уду отцепить, ещё две впились в тело.

Боль ещё нестерпимее, когда стерлядка бьётся — тоже от самоловных уд избавиться пыгается. Вынесло лодку из ямы, совсем медленно пошла она, вот-вот остановится. И остановилась. Превозмогая боль, подтянулся наш Михай вдоль борта на несколько сантиметров, перехватился ближе к носу лодки и одной рукой за самолов ухватился. Это чтобы рывки стерлядки смягчить. Впившиеся в тело уды стали менее болезненны. Онемевшими руками с большим трудом держится на течении. Благо, что стерлядь рядом успокоилась — силы копит для новых рывков. «Наверное, около часа уже трепыхаюсь», — как в тумане мыслит потерявший счёт времени рыбак. Как улетающий на юг журавлиный клин, медленно и так же удалённо в сознании проплыли картинки из босоногого детства. Вспомнилось, как мама, доярка, оставляла детвору под присмотром старших сестрёнок. Потом отчётливо, будто это было вчера, увидел карусель на льду. Тогда парни в лёд на Кове вмораживали ось от телеги, к колесу крепили жердь — получалась карусель. Санки привязывали к жерди, совсем маленьких катали медленно. Тех мальчишек и девчонок, которые были постарше, раскручивали так, что санки относило далеко за жердь, они катились боком. При малейшем препятствии детский транспорт переворачивался, а ездока отбрасывало, и он на спине или на животе катился по льду подальше от карусели. Представились явью походы на молоканку. Там ручным, а позднее электрическим сепаратором перегоняли весь удой. Полстакана свежих сливок для ребёнка — не убыток для колхоза. А для малыша — приятные воспоминания на всю жизнь. Если молоко было просепарировано на момент прихода кого-то из малышей, женщины в ручных маслобойках из сметаны сбивали масло. Тогда угощали свежей пахтой — вкусом, остающейся от сметаны после получения главного продукта. В пахте плавали мелкие крупинки масла, отчего она была только вкуснее. Память привела Михея и в бондарку, где строгий дядя Максим Викторов разрешал детям посмотреть, как делаются бочки для сбора «сосновых

слёз» — живицы. Он клал на пол обруч, вставлял внутрь его строганные дощечки, клёпки, обхватывал верхние концы клёпок тонким тросом и аккуратно стягивал ручной лебёдкой. Если какая-то из клёпок при стягивании ломалась, то в этот момент наблюдатели сидели «тише воды и ниже травы». Не любил дядя Максим детских советов «под руку», мог и выгнать всех, вместе с советчиком. Иногда он делал кадки для воды, которые ставили обычно в бани, чтобы вода успевала прогреться. Скотину поить лучше не ледяной водой из проруби, а тёплой. И лагуны для браги — тоже его рук дело. Красивые, аккуратные, небольших размеров, они походили на деревянные игрушки. Находилось среди мужчин немало тех, кто «заигрывался» около тех «игрушек» для взрослых.

После короткой паузы Любомир Прокопьевич продолжил:

— К счастью Михея, под берегом моторка проходила. Кричать, звать на помощь — дело бесполезное. Даже беседующие в одной лодке, чтобы друг друга услышать, старались перекричать рёв мотора. Полоскающееся за лодкой тело сидящим в моторке не видно, но Михеево судёнышко они признали. Поняли, случилось что-то неладное, рассуждают: «Не уснул же Михей, коль спозаранку на рыбалку отправился? Да и лодка заякорилась не на рыбном месте». Когда моторка подплывала к казавшейся безлюдной лодке, стерлядь стала биться с такой силой, что часть уд вырвалась и из неё, и из рыболова. От боли Михей потерял сознание, но пальцы судорожно вцепились в борт и тетиву самолова. В широко открытых глазах отразился ужас последнего мгновения исчезающего сознания. «Вот так улов!» — не сдержали удивления подплывшие односельчане. «Как добычу делить будем? Кому стерлядку, кому Михея», — шутили рыбаки, когда еле живой незадачливый рыбак и добыча оказались в лодке. «Половину стерлядки мне, а вы вторую половину делите», — стуча зубами, распорядился пришедший в сознание Михей. На том и сошлись.